

ВООБРАЖЕНИЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ

«Воображение ничего не значит без действия» – эти слова Чарли Чаплина многое проясняют в успехе Вышки: за нашими идеями, проектами, смелыми мечтами всегда идут действия и труд, труд всей вышкинской команды. И сегодня, в последние дни уходящего года, вместо осмысления его итогов мне хочется привести слова этого великого комика о любви к себе:

«Когда я начал любить себя, я понял, что тоска и страдания – это только предупредительные сигналы о том, что я живу против своей собственной истинности. Сегодня я знаю, что это называется «Подлинность».

Когда я начал любить себя, я понял, как сильно можно обидеть кого-то, если навязывать ему исполнение его же собственных желаний, когда время еще не подошло и человек еще не готов, и этот человек – я сам. Сегодня я называю это «Признание».

Когда я начал любить себя, я перестал стремиться к другой жизни и вдруг увидел, что все, что окружает меня, приглашает меня расти. Сегодня я называю это «Зрелость».

Когда я начал любить себя, я понял, что при любых обстоятельствах я нахожусь в правильном месте в правильное время и все происходит исключительно в нужный момент, поэтому я могу быть спокоен. Теперь я называю это «Уверенность в себе».

Когда я начал любить себя, я перестал красть свое собственное время и проектировать грандиозные проекты на будущее. Сегодня я делаю только то, что приносит мне радость и счастье, то, что я люблю делать и что приводит мое сердце в радостное настроение. Я делаю это своим собственным способом и в своем собственном ритме. Сегодня я называю это «Простота».

Когда я начал любить себя, я прекратил пытаться всегда быть правым, и с тех пор я ошибаюсь меньше. Теперь я узнал, что это «Скромность».

Когда я начал любить себя, я прекратил жить прошлым и беспокоиться о будущем. Сегодня я живу только настоящим моментом, в котором все происходит. Теперь я живу каждый день, день за днем, и называю это «Осуществление».

Когда я начал любить себя, я осознал, что ум мой может расстраивать меня и что от этого можно заболеть. Но когда я объединил его с моим сердцем, мой разум стал моим ценным союзником. Сегодня я зову эту взаимосвязь «Мудрость сердца».

Нам больше не нужно бояться споров, конфронтаций или разного рода проблем с собой или с другими. Даже звезды сталкиваются, и из их столкновений рождаются новые миры. Сегодня я знаю: это – «Жизнь».

Удачи, счастья, юмора, радости и любви в наступающем году!

Мария Юдкевич,
проректор НИУ ВШЭ ■

GREAT YEAR – BETTER AHEAD!

Центр академического письма благодарит участников семинаров и сотрудников Вышки за сотрудничество и подводит итоги года!

2019-й стал годом обновления для нашей команды: мы переехали в просторный офис на Покровке, открыли уютный ресурсный центр и запустили несколько новых проектов.

Мы считаем, что важно постоянно повышать профессионализм и становиться чуточку лучше, несмотря на достигнутые высоты. Именно поэтому мы запустили школу тренеров для преподавателей английского языка ВШЭ. Участники школы на протяжении всего учебного года будут делиться опытом, оттачивать свое педагогическое мастерство и, самое главное, разрабатывать проекты по академической коммуникации для обучения наших слушателей.

В 2019 году мы решились на смелый шаг – привлекать для проведения семинаров не только экспертов по академическому письму, но и сотрудников ВШЭ из узкой научной области.

Кроме того, мы попытались угнаться за спросом на индивидуальные образовательные консультации и увеличили их количество вдвое. Теперь на занятия можно прийти каждый день с 10:00 до 17:00 по предварительной записи.

Год получился по-настоящему насыщенным, но мы и не думаем останавливаться! На следующий год у нас грандиозные планы, задумано много нового и интересного.

Записаться на наши мероприятия можно на сайте:
<https://academics.hse.ru/awc>.

Прекрасного всем нового года, новых встреч, новых проектов и публикаций! Спасибо, что остаетесь с нами. ■

«ВОСТОК – ЭТО ВАЖНО И НУЖНО»: ИНТЕРВЬЮ С ИЛЬЕЙ СМИРНОВЫМ

О формировании коллектива Института классического Востока и античности, истории восточных исследований, особой междисциплинарности востоковедения, о работе со студентами и экспедициях рассказывает директор ИКВИА Илья Смирнов.

Илья Сергеевич, хотелось бы начать с истории появления коллектива института. Я правильно понимаю, что ядро вашей команды образовалось еще в РГГУ, в то время, когда там формировался Институт восточных культур и античности?

Да, верно. В 1994 году тогдашний ректор РГГУ Юрий Николаевич Афанасьев пригласил очень небольшой коллектив сектора Института востоковедения РАН, который – сектор, конечно, – я тогда возглавлял, организовать институт, который составил бы «восточную» пару недавно созданному Институту европейских культур РГГУ. Мы начинали с небольшой компании единомышленников, нас было человек восемь, по-моему. И за четверть века доросли до сравнительно большого института, где за малым исключением есть практически весь круг востоковедных специальностей.

Так получилось, что среди основателей института большинство составляли востоковеды-филологи. Наверное, для начала это было весьма удачно: востоковедение базируется на умении читать тексты, причем в первую очередь тексты старые, представляющие собой основу культурной традиции. Даже самый современный Восток неотделим от собственной древности; какую сферу жизни ни возьми – быт, поведение, привычки и обыкновения, да что угодно, – все это уходит корнями в баснословные времена. Так что филологическая фундаментальность очень пригодилась. Потом уже появились историки, лингвисты-компаративисты...

В 90-е годы, когда мы основали институт, престиж науки – не только востоковедения, а науки вообще – сильно упал, появилось множество новых увлекательных занятий, молодежь потянулась к практическим делам, они казались более живыми, что ли. Если говорить о восточных исследованиях, то их уровень после бурного расцвета в начале XX века неуклонно снижался: кто-то из корифеев уехал из России после 17-го года, многие – целое поколение превосходных ученых – погибли в конце 30-х; война и новый всплеск гонений в послевоенные годы довершили разрушение науки о Востоке. Впрочем, фундамент, заложенный в начале века, оказался столь прочным, что еще в 60-70-е годы положение в востоковедении оставалось вполне терпимым, работали крупные ученые с мировым именем; в 80-е уже редко кто хранил подлинный научный жар. Наш энтузиазм, пожалуй, проистекал из внутреннего несогласия с таким положением. А потом дело пошло: мы стали открывать одну за другой восточные специальности, появились первые студенты...

С КАКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВЫ НАЧИНАЛИ?

Сейчас, оглядываясь назад, я твердо знаю: в жизни почти все зависит от самоотверженности, способности не обращать внимания на неприятности, от какой-то безоглядности, если хотите. Вот и тогда самыми решительными из нас, понимающими, что

нельзя упускать время, оказались наши коллеги – специалисты по древнему и средневековому Ближнему Востоку. Приехал из Санкт-Петербурга очень талантливый тамошний выпускник – ассириолог и семитолог. Вместе с нашими гебраистами они организовали первый прием студентов, потом появилась первая институтская кафедра. Сейчас кажется, что дело шло словно само собой, но, конечно, легко ничего не давалось, приходилось убеждать, настаивать: Восток – это важно и нужно, изучать древние мертвые языки и культуры необходимо. Потом уже добавились кафедры Южной и Центральной Азии, Дальнего Востока, словом, почти весь Восток. Даже одну африканскую программу удалось открыть. А вот с Древним Египтом ничего не получилось, увы: и преподавателей усердных и знающих найти не удалось, и студенты, не чувствуя в учителях энтузиазма, учились, понятное дело, спустя рукава... До сих пор не зажила эта рана...

КАК ПРОИСХОДИЛ ПЕРЕХОД ИНСТИТУТА ИЗ РГГУ В ВЫШКУ?

К году 2017-му обстановка в РГГУ для нас заметно ухудшилась. Я спросил коллег: «Что будем делать?» Они ответили: «Пока можно, продолжим преподавать, студентов же не бросишь, но давай искать, куда бы нам уйти». Для востоковеда мест в Москве раз-два и обчелся, самым интересным, перспективным, безусловно, была Вышка. Ярослав Иванович Кузьминов согласился взять в ВШЭ весь институт. Единственным условием поставил, чтобы мы доучили своих студентов в РГГУ; мы и сами вовсе не собирались их бросать, об этом и речи не было; так по сей день и продолжаем преподавать и там, и здесь. В 2021 году выпустим две последние группы, и тогда все соберемся здесь, в Вышке.

Нужно сказать, что с 2002 года к Институту восточных культур, который к тому времени существовал уже восемь лет, присоединилась кафедра античности историко-филологического факультета РГГУ, и институт стал называться Институтом восточных культур и античности. Мы попросили Ярослава Ивановича сохранить это восточно-античное единство, на которое в научном отношении мы возлагаем большие надежды. А поскольку здесь, в Вышке, уже существовала школа востоковедения, мы, чтобы не возникло путаницы, назвали Институтом классического Востока и античности.

КАК ИНСТИТУТ ПРИШЕЛ ОТ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМУ ПОДХОДУ?

Знаете, междисциплинарность диктуется самим объектом наших занятий – Востоком, сложным, многослойным, неоднородным и в пространстве, и во времени. Чтобы только приблизиться к его пониманию, нужны соединенные усилия филологов и историков, антропологов и лингвистов, археологов и искусствоведов, а если говорить о восточной современности, то и политологов, экономистов. Времена титанов-востоковедов, когда всеми этими знаниями и умениями владел один ученый,

давно миновали, пришла эпоха научных коллективов. Иначе и не подступиться к изучению, скажем, Дальнего Востока, где, вопреки государственным границам, китайская, японская, вьетнамская, корейская цивилизации связаны между собой теснейшими, совершенно нерасторжимыми узами, буквально кровеносными сосудами культуры. Это и общий арсенал священных текстов, и когда-то общая письменность; вражда и союзы, взаимное притяжение и взаимное отталкивание – так веками и даже тысячелетиями. Как тут обойтись без междисциплинарности?

То же самое можно сказать обо всем Востоке: Индия и Монголия, Иран и арабские страны, Турция и окрестный мир – за что ни возьмись, тут же сталкиваешься с научными проблемами, которые в одиночку не решить. К счастью, сейчас у нас появились ученые, которые могут (как это было в том самом начале XX века) переводить и с китайского, и с санскрита, а это огромный массив текстов, необыкновенно важных для науки, без них не освоить книги, дошедшие до нас частично на китайском языке, частично на санскрите. Вот и пришлось известному санскритологу, заведующему кафедрой Южной и Центральной Азии взяться за китайский язык (и ведь выучил!), а его коллеге-синологу – одолевая санскрит.

Точно так же и с античностью. Весь эллинизм, сложившийся после походов Александра Македонского, – это такое смешение языков и культур, такой удивительный синтез греко-римской и восточных цивилизаций... И кто-то должен этим заниматься, соединяя в себе (или в коллективе соратников) знание разных традиций. Так что никакого специального замысла междисциплинарности у нас не было. Вообще, правы древние китайцы: чем меньше вмешиваешься в ход событий, тем лучше.

КАК НА ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗОВЫВАЕТСЯ ПРИНЦИП МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ? КАК ОРГАНИЗОВАНА РАБОТА ИНСТИТУТА В ВЫШКЕ?

Кафедры как естественные объединения людей, которые занимают более или менее одним регионом при нашем восточном многообразии, необходимы. Нужно, чтобы ученые как-то взаимодействовали на профессиональном уровне и понимали друг друга и чтобы студенты это единство ощущали. Но параллельно должны существовать – временные или постоянные – научные центры, объединяющие исследователей, занятых определенными темами, сюжетами поверх языковых и региональных различий. Иной раз для обсуждения какой-то научной проблемы полезно организовать регулярный семинар, потом, возможно, из семинарских дискуссий возникнет научно-исследовательский проект. Стараемся, разумеется, привлекать студентов, сначала как слушателей, потом как участников, докладчиков. Именно так начинали те, кто теперь работает в институте, преподает, занимается наукой.

Такая вот самая общая структура. Но главное, конечно, – это взаимный общий интерес. Вообще, всякая структура – это всего лишь рамка с такими ячейками. Все зависит от того, чем эти ячейки заполнены. Если есть реальное содержимое, если есть кафедра, скажем, классической филологии и кафедра истории Древней Греции и Рима, то здесь все понятно. Здесь занимаются словесностью, а здесь занимаются историей. А может быть, через какое-то время мы придем к тому, что соединим обе кафедры в одну историко-филологическую, не знаю. Посмотрим, как пойдут дела. Главное, помнить, что всякое объединение ученых – это живой развивающийся организм.

Помимо внутриинститутского взаимодействия мы также стараемся наладить сотрудничество с коллегами из других подразделений Вышки, мы ведь новички, всего два года в университете. Но уже возникли тесные связи со школой лингвистики, со школой филологии, со школой исторических наук. Недавно филосо-

фы предложили совместно заниматься восточной философией. Просто пока не все еще знают об Институте классического Востока и античности. Всякое такое взаимосоотрудничество – всегда благо. В Вышке очень удобно устраивать такие горизонтальные связи. Многого еще, надеюсь, впереди, за два года ведь всего не успеешь.

РАССКАЖИТЕ О ВАШИХ СОБСТВЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ?

По образованию я китаист-филолог (синолог, китаевед – как угодно), так написано в дипломе. Китай – это огромная цивилизация, заниматься сразу всем невозможно. Я уже говорил, что время востоковедов-универсалов давно миновало, нынче в здравом уме даже об одной литературе китайской, которой от роду три тысячи лет, никто рассуждать не возьмется. Не то что всю литературу, всю поэзию с нужной ученому основательностью знать. Это просто немыслимо. Моя научная делянка, где я чувствую себя относительно уверенно, – триста лет с середины XIV по середину XVII века, время правления династии Мин. По китайским меркам (первые стихи датируются примерно XI веком до н.э.!) это поздняя поэзия, время подведения итогов.

Гуманитарная наука тесно связана с чтением текстов и переводами, но тут уже речь не просто о текстах, а о стихах. Читать, понимать старую китайскую поэзию ох как непросто. Думаешь: «Вот мучился полдня, разобрал одно четверостишие, и ведь никто, кроме двух-трех коллег, не узнает, какие это замечательные стихи». Начинаешь пробовать переводить так, чтобы было интересно не только профессионалам. Так и получилось, что я довольно много переводил. Но и мои, и любые другие переводы с китайского на русский язык, с моей точки зрения, не удалась. Приходится много думать и писать об этом, заодно вникать в особенности китайского стихотворства. У европейцев и китайцев совсем разные взгляды на поэзию, в Китае с древности сложились иные способы претворения чувств в стихи: звук приглушен, внешне поэт много сдержаннее своего европейского собрата; идеал – пресность, стихи должны быть «словно остывший пепел». По-русски передать это никак не удастся. Не говорю о таких «мелочах», как живописность иероглифической картины или обязательное для китайского стихотворения чередование музыкальных тонов в строке... Нужно пробовать, искать. Возможно, когда-нибудь в будущем кто-то из наших студентов отыщет «волшебный ключ».

ВО ВРЕМЯ ВАШЕГО ОБУЧЕНИЯ В АСПИРАНТУРЕ У ВАС БЫЛИ НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ С УТВЕРЖДЕНИЕМ ТЕМЫ ДИССЕРТАЦИИ. В ЧЕМ БЫЛА ПРИЧИНА И КАК УДАЛОСЬ В ИТОГЕ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ?

Университет я окончил в 1971 году, пришел в аспирантуру осенью того же года. С Китаем – полный разрыв. Видимо, какое-то высшее начальство решило, что нужно срочно понять происходящее в Китае, заниматься современной проблематикой. А я филолог; за пять институтских лет не то что не был в Китае, книг, написанных там в 60-е годы, в глаза не видел. Хотя понятно, какая при хунвейбинах может быть литература. И вообще мечтаю о классике, о старой поэзии. Тут и семейная традиция: в семье были крупные востоковеды, всё, что позднее, скажем, XV века, неодобрительно называлось «газета», в том смысле, что не наука.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ
OKNA.HSE.RU**

ИРИНА ШАФРАНСКАЯ

ТРИ ВАЖНЫХ НАВЫКА УХОДЯЩЕГО ГОДА

Когда меня приглашали в колонисты, я довольно банально представляла себя героиней Сары Джессики Паркер из известного сериала: я тоже умею эмоционально хлопнуть дверью и люблю компьютеры с «яблоком», а Пермь в центральной части города – тот же Нью-Йорк. Сколько удачных совпадений! Я даже придумала общую тему для колонок – писать о том, что происходит при взаимодействии университета и внешнего мира.

Уходящий год показал, что для внешнего мира университет зачастую не больше чем имущественный комплекс, образовательная функция которого еще должна быть проверена, на всякий случай – с особенной тщательностью. Но именно столкновение с внешним миром в его разных проявлениях позволило мне освоить три ценных навыка, которыми я хочу поделиться с вами в этой колонке.

Навык первый: продвинутый e-mail-менеджмент. Заказчики студенческих проектов, охотники за талантами, HR-бренд-менеджеры, выпускники, собирающие команды под проект, и одновременно секретари заседаний, представители подразделений, запрашивающих «уточненные-данные-для-проверки», менеджеры программ, кафедр, департаментов и, в конце концов, студенты – все решили, что теперь можно писать во все каналы связи. Омниканальность, будь она неладна, способна разрушить настрой на вдумчивую работу над статьей одним внезапным ring – вот она, главная угроза публикационной активности. Я нашла для себя три простых решения: во-первых, у меня есть шаблоны готовых ответов, не больше 3-5 предложений. Скопировал – ответил – забыл. Во-вторых, я научилась пересылать письма: «вот контакт, который может вам ответить лучше, чем я» – одна из моих любимых коротких формулировок. И наконец, у меня начало работать старое советское правило, усвоенное еще в доуниверситетской жизни. Тогда оно звучало как «бумажка должна вылезать». Так вот с некоторыми письмами то же самое: если подождать, чуть позже может прийти письмо вдогонку о том, что данные не нужны, совещание отменяется, а все программы дисциплин уже кто-то переделал за тебя. Магия!

Навык второй: позитивная обратная связь. Наш академический образ мышления – это rejection mindset, мы видим и постулируем ограничения, легко объясняем, «почему нет», и критикуем, критикуем, критикуем... При этом теряется важный элемент обратной связи – позитивный: «почему да», «можно хотя бы попробовать» и другие формулы, не ограничивающие действие. Мы привыкаем к «управлению по недостаткам» в СОП, где негативных отзывов в разы больше, чем позитивных (бывает, что я читаю комментарии о своей магистерской программе – и мне хочется достать амбарный замок, повесить его на воображаемую дверь, сложить ноутбук в узелок и уйти в туман). Поэтому весь год я тренировала навык позитивной

обратной связи: хвалила студентов, писала искренние посты восхищения коллегами, партнерами и друзьями в социальных сетях. А во внешнем мире – в школе, больнице, общественном транспорте – научилась начинать даже самую недовольную фразу с речевого оборота «какие у вас прекрасные/чистые/удобные/условия/бахилы/сиденья» {random selection}. И, скажу я вам, это удивительно работает. Настолько удивительно, что я впервые была positively red-buttoned – получила от студентов положительный отзыв на «красную кнопку». Магия!

Навык третий: благодарность обстоятельствам. «Спасибо» нас учат говорить с детства, но в основном людям и по поводу, в то время как обстоятельства чаще становятся причиной неудач. Но именно место и время, условия и среда вокруг и в конечном итоге Вышка – это те обстоятельства, которые ограждают нас от внешнего мира в моменты, когда здравый смысл находится под угрозой. Внешний мир практически не создает условий для развития – таких, к каким мы привыкли в университете. Внешний рынок труда в разы жестче, чем процедуры оценки публикационной активности, студенческие отзывы в онлайн-университете появляются сразу же после лекции и вполне могут стать основанием моментального прекращения курса, а сами курсы бьются маркетинговыми бюджетами, а отнюдь не качеством контента. Внешняя оценка нашего академического подхода и действий зачастую бывает неадекватна: даже если ваш начальник в корпорации и сможет оценить красоту регрессионной модели, то до приложения, а тем более оценки эффекта дело вряд ли дойдет – либо сменится ветер корпоративной стратегии, либо все силы будут брошены на внедрение чего-то остроумного, роботизированного, искусственно-интеллектуального и обязательно заменяющего десять профессий сразу. Возможно, мой опыт взаимодействия с внешним миром провинциален и ограничен, но это еще больше усиливает мою благодарность университету – главному обстоятельству моего комфортного, интересного, локализованного и насыщенного событиями образа жизни.

Чему еще научил уходящий год? Лично для меня он стал годом «черного лебедя», который совершенно внезапно может вторгнуться и в мир большой Вышки, и в мое маленькое личное пространство – а под рукой в этот момент ни ружья, ни булки. Но именно в этот момент происходит что-то удивительное, что-то магическое, когда ты чувствуешь, как поддержка коллег, тепло и забота близких, внимание и признание менторов, уважение и благодарность студентов создают невидимую, но очень мощную стену огромной человеческой любви, которая способна защитить и спасти от внешнего, опасного и непредсказуемого. Это невероятно, и пусть невероятного, приятного, волшебного в жизни будет как можно больше. Берегите себя, с Новым годом!

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Иллюстрации Сергея Плешкова.

Перепечатка и воспроизведение материалов бюллетеня «Окна академического роста» возможны только с разрешения редакции.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: <https://okna.hse.ru/contacts>. Дата выпуска: 23.12.2019.

Тираж 650 экз. Адрес: Москва, Покровский бульвар, д. 11.